

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ В СОГДЕ

(Из истории народов Средней Азии)

Проф. К. Тревер

Походы Александра Македонского на Восток, приведшие к завоеванию Ирана, Средней Азии и Индии, являлись продолжением и завершением той борьбы между Востоком и Западом, которая началась на рубеже VI и V вв. до н. э., когда Иран и Греция оспаривали друг у друга экономическое и политическое первенство в Малой Азии.

Хотя греко-персидские войны и закончились после битвы при Платеях в 479 г. до н. э., но победа, одержанная Грецией, боювшейся за свою свободу с напавшим на неё мощным ахеменидским Ираном, должна была при неразрешённости спорных вопросов поддерживать в определённых кругах Греции стремление со временем расширить свои границы в Азии. Помимо соображений международной экономики и политики, стремления эти, вероятно, объяснялись и внутривосточными расчётами правящих

кругов Греции, надеявшихся найти в завоевательных походах клапан, который предохранит бы социальный строй Греции от взрыва назревавших в нём внутренних противоречий.

Хорошо известны произнесённые в 380 г., т. е. через сто лет после битвы при Платеях, крылатые слова греческого ратора Исократы о том, что надо перенести «войну в Азию, а счастье Азии — к себе»¹. Завоевание Азии ставил себе задачей отец Александра, царь Филипп, при котором Македония стала мощным и передовым в смысле военной техники государством. На панэллинском собрании выборных в Коринфе в

¹ «Панегирик» — одна из самых блестящих речей Исократы, в которой он обосновывал необходимость войны объединёнными силами греков под водительством Афин против Персии.

338 г. было решено начать войну с Персией, причём лежавшие в основе этого решения политические и экономические причины были прикрыты идеологической мотивировкой: отомстить персам за все содеянные ими над греческими храмами святотатства.

В 336 г. авангард македонской армии перешёл Геллеспонт, но не успел ещё начать военных действий на территории Азии, как был убит Филипп в результате заговора, поддержанного, видимо, персами. Начатый Филиппом поход был продолжен Александром. Он выступил в 334 г. с полехой в количестве 30 тыс. человек и конницей в количестве 5 тыс. всадников; 150 кораблей сопровождали армию вдоль побережья. С этой армией Александр в течение пяти лет завоевал Малую Азию, Сирию, Египет, Финикию и остальные части громадной ахеменидской державы.

Разбив в трёх решающих сражениях персидского царя Дария III, Александр включил в состав своей империи основные области государства Ахеменидов. Затем, после перехода через Гиндукуш, появившись на территории Средней Азии, он подчинил себе и одну из самых цветущих ахеменидских сатрапий, славившуюся своей древней культурой — Бактрию.

Эти походы, по замыслу самого Александра, должны были быть описаны для потомства сопровождавшими его в походе писателями и историками². Записывали события, свидетелями которых они являлись, и некоторые участники похода — полководцы Аристовул и Птолемей Лаг; их заметки были использованы в дошедших до нас текстах более поздних историков. Описание отдельных эпизодов оставили также участники похода, знаменитый мореплаватель Нearch и др.; двое придворных вели подробную запись всех происходивших при дворе событий; путевой дневник составляли два лица из штаба Александра, но всё это до нас не дошло.

То, что мы знаем о походах Александра на Восток, почерпнуто из трудов пяти историков, живших 300—400 лет спустя, но имевших ещё возможность пользоваться трудами и записями современников Александра. При этом история похода в Среднюю Азию сохранилась только у двоих: у грека Арриана, жившего во II в., и у римского писателя Квинта Курция Руфа (I в.). Плутарх (I—II вв.) и Юстин (II в.), сохранившие много интересных данных о походе Александра на Восток, почти не упоминают о среднеазиатских походах. Особый интерес представляет оглавление XVII книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, из которой, к сожалению, утрачены именно те главы, где описывался поход Александра за Аму-Дарью. Так как автор их жил в I в. до н. э., т. е. был ближе к описываемым им историческим событиям, чем Курций Руф и Арриан, то об утере глав, посвящённых Александру в Согде³ приходится особенно сожалеть.

² «Александр Великий приказал находиться при нём многим писателям для (описания) его деяний» (Цицерон «Pro Archia» § 10).

Что касается двух основных историков Александра, то историографической традицией труд Квинта Курция Руфа принято считать не заслуживающим полного доверия: автор обычно характеризует как филозофствующий ритор, заботящийся более всего о красоте произносимых героями речей, с удовольствием записывающий всякого рода анекдоты и восполняющий при помощи фантазии пробелы повествования.

Зато труд Арриана, писателя-воина, служившего в Азии, автора трактата о военном искусстве, считается весьма достоверным отображением событий, имевших место в Средней Азии, тем более что Арриан пользовался записками современников Александра — полководцев Аристовула и Птолемя Лага, которые он порою просто переписывал. Пропуски, которые имеются в труде Арриана и которые только в известной мере восполняются рассказами Курция Руфа, объясняются именно тем, что в используемых им трудах Аристовула и Птолемя имелись записи только тех событий, участниками или свидетелями которых они сами были на территории Средней Азии.

Бактрия была завоевана Александром без особого труда. Сатрап Бактрии и Согда, Бесс, перс из рода Ахеменидов, участвовал в убийстве царя Дария III, своего родственника; принял затем сам царский титул и имя Артаксеркса, но, узнав о приближении Александра, поспешил уйти от него на территорию Согда. Первое время его поддерживала согдийская конница во главе с согдийцем Спитаменом⁴, а затем и «пришедшие к нему кочевники-дахи, по эту сторону Танаиса (Сыр-Дарья) живущие»⁵.

Вместе с Бессом от Александра бежал ряд местных князей и в их числе Оксиарт, не то бактриец, не то согдиец, затем Датафарн, по всей вероятности, перс, и Катен из Паретаки. Перейдя Аму-Дарью, Бесс съёз суда и ушёл в область Наутаку⁶ — долину Кашка-Дарья, некоторыми исследователями

³ Согд (греч. Согдиана) — древнее название области между средним течением Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи на территории Узбекской ССР и Таджикской ССР.

⁴ Греческая форма местного имени «Спитама».

⁵ Арриан. *Arriani Anabasis (Scriptorum Graecorum Bibliotheca. Paris, Didot. 1846).* Кн. III, гл. 28, 10.

⁶ Оксиарт — греческая форма местного имени, звучавшего, вероятно, как Вахшун-вурта.

Иранское «наутак» значит «судоходный», или «заново текущий», но, может быть, это и греческая переделка иранского «науката» — «новый город» (Tomasek. «Zentralasiatische Studien, I. Sogdiana. Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften». Bd. XXXVII, S. 183. Wien. 1877). Лингвистический анализ терминов «Наутака», «Паретака», а также скифского «Тиритака» (около Керчи) ещё не произведён, но толкование суффикса или существительного «така» для всех трёх слов следует искать в одном направлении.

неверно отождествляемую с районом Шахрисабза⁸.

После того как ему сдались главнейшие города Бактрии, Александр поспешил к Аму-Дарье, намереваясь, очевидно, быстро обезвредить Бесса, который как ахменид легко мог бы возглавить сопротивление среднеазиатских сатрапий. Дойдя до Аму-Дарьи, Александр убедился в полном отсутствии мостов, судов и каких бы то ни было материалов, из которых можно было бы соорудить плоты для переправы через реку. Когда Александр попытался переправиться через Окс, говорит Арриан, «то это оказалось совершенно невозможным, так как ширина реки была около 6 стадий, а глубина непропорциональна ширине. Река была очень глубока и песчана, течение её столь быстро, что она легко одним течением выворачивала из земли всё, что укрепляли в ней; кроме того в песке нельзя было ничего прочно утвердить»⁹. Существует несколько точек зрения по вопросу о месте, где Александр собирался переправиться через Аму-Дарью; среди других возможных пунктов называются и Термез¹⁰ и Келиф¹¹ — от обоих пунктов вели пути на Мараканду, столицу Согда.

Отпустив домой больных и ослабевших воинов, Александр в течение пяти дней перепрыгнул свою армию на правый берег реки, используя в качестве плотов превращённые в мешки кожаные наметы с палаток, крепко сшитые и набитые соломой¹². Бесс не мог помешать переправе Александра, так как был в это время лишён свободы своими недавними друзьями, Спитаменом и Датафарном, приславшими к Александру гонцов с предложением выслать отряд для захвата Бесса. Что произошло в Наутаке между недавними союзниками, неизвестно, но к разрыву Бесса со Спитаменом, Оксияром, Датафарном и другими представителями местной знати, бежавшими вместе с ним за Аму-Дарью, повидному, привело то, что Бесс сначала как бы возглавлял борьбу против Ахеменидов, а затем, надев тиару и приняв имя Артаксеркса, объявил себя царём. Видимо, от Бесса решились избавиться, выдав его Александру, в котором пока ещё видели борца против ненавистного персидского ига.

Александр послал к Спитамену своего полководца Птолея Лага (будущего царя Египта), ожидавшего, вероятно, торжественной выдачи ему Бесса. Однако он должен был испытать сильное разочарование, когда не застал в указанном месте лагеря Спитамена, накануне снявшегося и ушедшего в глубь страны. Бесс же был Спитаменом оставлен под охраной в одном из укрепленных селений, жители которого и выдали его

Птолею. Историки Александра по-разному расценивали этот поступок Спитамена: Арриан считал, что стыд помешал Спитамену собственными руками выдать Бесса¹³, Курций Руф расценивал этот факт как предательство Спитамена¹⁴. Возможно и третье объяснение: Спитамен просто боялся коварства Птолея и потому скрылся до его прихода.

Александр с армией продвигался медленнее, чем Птолемей, прошедший в четыре дня десять дневных переходов. Оставив гарнизон в Мараканде (занял ли он её силою оружия или в результате переговоров, об этом источники ничего не сообщают), Александр направился сразу дальше к Сыр-Дарье. Какими именно путями прошёл Александр попространство от Аму-Дарьи до Мараканды, нам неизвестно. И Арриан и Курций сообщают зато о двух эпизодах, имевших место приблизительно в это время где-то на территории Согда. Эти эпизоды ярко характеризуют личность ещё не знавшего поражения 27-летнего полководца.

Когда Птолемей привёл к Александру закованного в цепи Бесса, юный царь спросил пленника, как он посмел поднять руку на государя, своего родственника и благодетеля¹⁵, и велел его сначала изувечить, а затем отправить в Экбатану и предать казни. Таким образом Александр мстил за измену царю, хотя царь этот и был его, Александра, врагом.

Другой эпизод — месть за измену предков — связан с сообщённым у Курция¹⁶ и упомянутым у Страбона и Диодора¹⁷ рассказом о маленьком городке в Согде, населённом потомками переселённого из Милета жреческого рода Бранхидов. Бранхиды в своё время выдали Ксерксу сокровищницу вверенного им храма Аполлона Дидимейского и были затем вынуждены уйти вместе с Ксерксом в Азию во избежание мести после ухода персов со стороны своих сограждан. Александр за это преступление предков велел разрушить город как гнездо предателей и истребить жителей всех до одного; ни общность языка, ни мольбы не могли смягчить его жестокости. Город был разрушен до основания, от него не осталось и следа: священные роши были вырваны с корнем, остались пустыня и бесплодная земля. «Так искупил грех предков потомки, которые сами и не видели Милета»¹⁸.

Эта чрезвычайная жестокость Александра едва ли была вызвана одним только желанием угодить находившимся в его войске

⁸ Арриан. Кн. III, гл. 30, 2.

⁹ Курций Руф. (Q. Curtius Rufus. *Bibliotheca classica Latina*, Parisiis, 1823, т. II). Кн. VII, гл. 5, 19—20.

¹⁰ Арриан. Кн. III, гл. 30, 4.

¹¹ Курций Руф. Кн. VII, гл. 5, 23—35.

¹² Strabonis Geographica (Scriptorum Graecorum Bibliotheca, Parisiis 1853). Кн. XI, гл. 11, 4. Diodori Siculi Bibliotheca Historica (Scriptorum Graecorum Bibliotheca, Parisiis 1844, т. II), оглавление к кн. XVII, ч. 2, § 20.

¹³ Курций Руф. Кн. VII, гл. 5, 35.

⁸ Григорьев В. «Поход Александра Великого в Западный Туркестан». Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП) за сентябрь — октябрь 1881 г. стр. 43.

⁹ Арриан. Кн. III, гл. 29, 3.

¹⁰ Tomaschek. Op. cit. S. 11.

¹¹ Григорьев В. Указ. соч., стр. 41.

¹² Арриан. Кн. III, гл. 29, 4.

милетянам. Месть за измену предков была, мне кажется, своего рода реакцией на испытанное Александром перед этим сильное потрясение, связанное с раскрытием заговора против него, заговора, в котором участвовал Филота, один из самых близких ему друзей.

Как говорилось выше, Александр, оставив гарнизон в Мараканде, направился к Сыр-Дарье, к берегу которой он, вероятно, вышел в районе нынешнего Ходжента. По дороге ему впервые пришлось встретить сильное сопротивление со стороны местного населения, перебившего нескольких заблудившихся фуражиров Александра и пытавшегося затем остановить Александра в Скалистых горах¹⁹, через которые шёл его путь. Несмотря на временную неудачу, Александр (он был при этом тяжело ранен) всё же взял возвышенность, где укрепились горы, из которых часть была изрублена на месте, а многие бросались со скал и разбивались; из 30 тыс. варваров спаслось не более 8 тыс. человек²⁰.

На берегу Сыр-Дарьи к Александру явились послы от скифов-абиев²¹ и от скифов европейских, как их называет Арриан²², видимо, с дружественными намерениями. Александр отправил с ними одного из своих приближённых, поручив ознакомиться с их страной и обычаями и не допускать перехода их через Танаис. Повидимому, упоминаемые реки Танаис и заставило Арриана осмотреть в этих послых скифов заморских, европейских; он принял Танаис — Сыр-Дарью за Танаис — Дон. Но явились к Александру, должно быть, послы от скифов из-за Сыр-Дарьи, которых он и пытался удержать от перехода через реку, чтобы не дать им возможности поддержать восстание согдийцев, на что, очевидно, рассчитывал когда-то и Бесс.

Здесь, на берегу Танаиса, Александр намеревался построить город для защиты страны против набегов варваров, живших по ту сторону реки, и «дать ему своё имя»²³. Но в это время до него дошла весть о восстании, происшедшем у него в тылу: «приречные варвары» перебили македонские гарнизоны в каких-то приречных, должно быть, городах и начали их укреплять. Одновременно, и вряд ли случайно, восстали и согдийцы, побуждаемые к этому теми, говорит Арриан, кто схватил Бесса, т. е. Спитаменом и его друзьями; к согдийцам примкнули и бактрийцы.

Городами здесь названы, вероятно, укрепленные земледельческие поселения «приречных варваров». Григорьев считает их родст-

¹⁹ Речь идёт о Сутрушане (Усрушане арабских географов IX—X вв.) — область между Самаркандом, Ходжентом и Джизаком. И по мнению Дройзена (т. I, стр. 245, прим. 25) имеются в виду montes Oxii Птолемея, т. е. Сутрушана.

²⁰ Арриан. Кн. III, гл. 30, 11.

²¹ Это название, по-моему, — греческая передача местного названия «ала-сака» — водные саки, т. е. у воды живущие.

²² Арриан. Кн. IV, гл. 1, I.

²³ Там же, гл. I, 3.

венным согдийцам по крови и языку народом, жителями горной Сутрушаны²⁴.

Здесь впервые упоминается имя Спитамена, как имя вдохновителя восстания оседлого населения Согда. Курций Руф рассказывает, что Александр рассчитывал с помощью Спитамена и Катена, как и в случае с Бессом, остановить опять вспыхнувшее восстание, но на сей раз Спитамен открыто выступил против Александра, призывая население к оружию.

Когда Александр переходил через Аму-Дарью, ни местное население, ни знать в лице Спитамена, Оксирта и др. не представляли себе ещё того, что готовил для них Александр: освобождение ли от ненавистного персидского ига или новые формы угнетения.

Только после занятия Александром Мараканды Спитамен правильно оценил создавшуюся обстановку. То обстоятельство, что Мараканда сама раскрыла перед Александром ворота, является лучшим подтверждением того, что согдийцы сначала смотрели на Александра как на своего избавителя. Лишь жестокая расправа с горцами Сутрушаны, по вине которых было убито несколько македонских фуражиров, открыла глаза не только населению, но и Спитамену и его сподвижникам на то, что готовил им молодой македонский царь. В 329 г. Александр был ещё твёрдо уверен в том, что на территории Азии он имеет дело только с раба-

ми. «Будучи сами возбудителями того, что им предлагали остановить, Спитамен и его друзья, — говорит Курций Руф, — распустили слух, что царь потребует к себе всех бактрийских всадников, чтобы их убить»²⁵.

Восстанию предшествовало приказание Александра собрать в город Зариаспу эпархов, т. е. правителей отдельных областей или городов Бактрии. Каковы были действительные цели Александра и состоялось ли тогда это собрание, нам неизвестно, но его созыв послужил сигналом к восстанию.

Мне кажется, что, излагая историю походов Александра на территории Согда и отдельные факты борьбы населявших Согд народов за свою независимость, мы имеем все основания усматривать три этапа в ходе этих событий, из которых каждый имеет свой особый характер, свою специфику.

Внимательный анализ вскрывает несколько чётких разграниченных периодов в развитии событий, что, между прочим, было отмечено и одним из древних историков Александра — Диодором, — но не получило никакого отражения в исторических исследованиях. Внимание исследователей должен был бы остановить на себе перечень событий в оглавлении к несохранившейся частично XVII книге Диодора, где он лаконично перечисляет: «Как Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тыс. человек. Как он наказывает бактрийцев и вторично подчиняет себе согдийцев и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении. Третье восстание

²⁴ Григорьев В. Указ. соч., стр. 53 и 58.

²⁵ Курций Руф. Кн. VII, гл. 6, 15.

согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок [петра]»²⁶.

Я попытаюсь расшифровать эти скупые строки. В семи крепостях на Сыр-Дарье укрепились восставшие согдийцы (свободное оседлое местное население), и Александр немедленно вступил с ними в борьбу. Пять поселений (сохранилось название только одного из них — Газа²⁷), обнесённых невысокими глиняными стенами, Александр занял в течение двух дней с помощью приставлявшихся к стенам штурмовых лестниц и согласованного действия пращников, стрелков и метателей стрел из машин. В одном из пяти случаев Александр предислал окопать город ровом (более значительный, повидимому), насыпать вал и соорудить необходимые осадные машины. Значительное сопротивление оказали две крепости: город Кирополь, по преданию основанный Киром, и город, в котором сидел сильный род Мамакенов. Эти города были взяты Александром после более продолжительной осады при помощи некоторых приёмов осадной техники: в первом случае Александр проник в город с группой воинов по высохшему руслу дождевого потока, ушедшего под стену, во втором случае — с помощью подкопа.

Восстали против Александра и широкие массы оседлого земледельческого населения, которым он нёс разорение и смерть, если они не соглашались ещё до его прихода признавать в нём преемника Ахеменидов и своего государя. Восстала против Александра и местная знать в лице Спитамена и его друзей.

Следует помнить, что большинство народов, с которыми столкнулся Александр на территории Согды, находились, как и при Ахеменидах, на разных ступенях общественного развития, но преимущественно на стадии разложения родового строя и становления классового общества (родовая структура поселений или городов подтверждается и археологическими и письменными данными). С ярко выраженным родовым поселением Александр встретился при осаде на Сыр-Дарье крепости сильного рода Мамакенов.

Военная обстановка становилась для Александра всё более сложной. Узнав об усмирении Александром Сутрушаны, заречные скифы собрались на правом берегу реки, а гонцы принесли весть, что Спитамен открыто восстал и осадил македонский гарнизон Мараканды. Александр был тяжело ранен, армия его с двух сторон была сжата врагом, но «не враг пугал его, а трудное время, — говорится у Курция Руфа, — бактерии отпали, скифы совершали набеги»²⁸.

Александр быстро принимает решение. Против Спитамена он посылает отряд под

главенством некоего Фарнуха, знавшего язык местного населения, а с заречными скифами решает справиться сам. Предварительно чрезвычайно быстро он строит оборонительную крепость на Сыр-Дарье — Александрию, прозванную Эсхата «крайняя» или «дальняя», что приводит на память надпись Дария на Суэцком перешейке с характеристикой страны саков, как «достигающей пределов земли»²⁹. Он велел своим солдатам обнести стеною свой лагерь на берегу, а на 17-й день работы все дома были подведены уже под крыши. Это укрепление Александр заселил греческими наёмниками, местными жителями — пленниками — и непригодными больше к войне македонянами «Скифский царь, владевший землями за Танаисом. — говорит Курций Руф, — полагал, что город, который македоняне строили на берегу, будет (ярмом) на их шее», поэтому он «отправил брата своего по имени Картаза с большим отрядом конницы разрушить его и отсечь от реки македонские войска»³⁰.

Александр решил тогда, несмотря на рану, первым напасть на саков. Он послал конницу, машины с прислугой и фаланги на плоты, легко вооружённых — на кожаные меха, и под звуки труб, выбрасывая тучи стрел из метательных машин, войска переплыли Сыр-Дарью. Используя все виды своего войска, он напал на скифов, которые сначала выдержали удар, но затем всё же бежали, оставив тысячу убитых и полтораста пленных. Потери Александра тоже были немалыми, к тому же, преследуя неприятеля, он слишком углубился в безводную степь; начались желудочные заболевания, и это побудило его спешно повернуть назад — впервые за всё время своих походов. В каком именно месте происходила переправа через Сыр-Дарью, историки точных указаний не дают.

Послы от заречных саков, явившиеся вскоре к Александру с извинениями, заявили, что в нападении на него самовольно участвовали отряды, собиравшиеся произвести грабёж, и что эти события не являются выражением воли всего народа. Сакские послы были приняты благосклонно, и им без выкупа были выданы 150 пленников. Проявлением великодушия Александр надеялся, видимо, наладить мирные отношения с саками, которые ему были необходимы в связи с тревожными событиями, разыгравшимися в Согде.

Там к Спитамену и его коннице прикнула «страха ради» (как думали историки) мирная часть населения — обстоятельство, побудившее Александра перебросить часть войска из-под Кирополя к Мараканде. Это заставило Спитамена снять осаду и уйти на запад — в Басилею, «царский город» Согдианы³¹, находившийся, может быть, в районе Бухары³².

²⁶ Тураев «История древнего Востока». Т. II, стр. 135. 1935.

³⁰ Курций Руф. Кн. VII, гл. 7, 1.

³¹ Арриан. Кн. IV, гл. 5, 3.

³² Название «Басилея» является, по моему, переводом на греческий язык местного древнего названия «Ката» — стольный город,

²⁶ Диодор. Оглавление к кн. XVII, ч. 2, §§ 23—25.

²⁷ Газу с Газакром арабских географов, на пути из Шихрстана в Ходжент, сопоставляют Григорьев (указ. соч., стр. 56), а затем и Бартольд: «может быть, в долине реки Бсманды-су, на месте селения Газан-Дерак» («История культурной жизни Туркестана», стр. 3. Л. 1927).

²⁸ Курций Руф. Кн. VII, гл. 7, 6.

Македоняне с Фарнухом во главе преследовали Спитамена до самой границы степи, чтобы покарать примкнувших к его отряду скифов (Аристовул сообщает, что это были дахи).

Некоторое время Спитамен всячески выматывал силы македонцев, то обстреливая их с флангов, то притворяясь бегущим и завлечкая их в степь. Среди македонского командования тем временем начались разногласия: Фарнух требовал, чтобы его освободили от командования в силу того, что он не является воином и не может руководить войсками в столь сложной обстановке. Во время этих споров один из начальников, Каран, перешёл с конницей реку Заравшан, не согласовав своих действий с пехотой. Последняя последовала за конницей в поисках тени и отдыха в лес на другом берегу и попала в засаду. Спитамен использовал это замешательство, загнал македонян на остров в реке и перебил большинство из них. Не теряя времени, Спитамен вернулся вместе с дахами и, опираясь попрежнему на помощь местного населения, подошёл к Мараканде и снова осадил македонский гарнизон.

Вот эти-то обстоятельства и заставили Александра спешно закончить переговоры со скифами и, оставив гарнизон в новой Александрии, делая двойные дневные переходы, на четвёртый день появиться под Маракандой. Спитамен немедленно снял осаду и скрылся, сначала, вероятно, в район Бухары, а затем на запад, в пустыню. Александр, преследуя его³³, по дороге похоронивших на берегах Заравшана, но в пески за Спитаменом Александр не последовал. Повернув назад, он начал жечь поселения, в которых укрылось восставшее местное население, опустошать поля и сады и предавал огню и мечу 120 тыс.³⁴ местных жителей — цифра, возможно, преувеличенная и вызвавшая у Григорьева слово о том, что «такому повальному избиению не подвергалось население благодатной долины Заравшана никогда, ни до, ни после Александрова времени. Это был знаменитый образчик европейской справедливости и европейской гуманности в приложении к «варварам»-азиатам»³⁵.

так назывался в древности город Иезд в Иране; так же называлась древняя столица Хорезма — средневековый Кят, ныне Ургенч. Этот же термин сохранился, по-моему, в названии многих среднеазиатских городов, оканчивающихся на «кет» (Ахсыкет, Пенлжикет и др.); окончание «кент» и «канд» восходит к другому древнему термину — сакскому «канта» — «окопанное» (т. е. окружённое стеною), «город» (Чимкент, Самарканд и др.).

³³ Преследуя Спитамена, бежавшего в пустыню, Александр «прошёл всю область, орошаемую рекой Политиметом (Заравшан); где вода теряется, там начинается уже пустыня в этой стране, а исчезает река в песке, хотя и очень обильна водой». (Арриан Кн. IV, гл. 6, 5—6).

³⁴ Диодор. Оглавление к кн. XVII, ч. 2, § 23.

³⁵ Григорьев В. Указ. соч., стр. 67.

После этого Александр, оставив в Согде отряд в 3 тыс. человек пехоты под командованием Певколая, отправился зимовать, по данным Курция, в Бактру, по данным Арриана, — в Зариаспу.

Этим закончился первый этап борьбы родов Согда за свою независимость, причём все эти многочисленные события имели место, начиная со времени переправы Александра через Аму-Дарью и кончая его карательным походом по долине Заравшана, т. е. с весны по осень 329 года.

События эти ярко охарактеризованы следующими словами Григорьева, написанными в 1881 г.: «Если Дарий не умел отстоять от Александра своего царства, если презренным трусом оказался Бесс, зато здесь, в Туране, нашлись сердца, которые не могли примириться с чувством покорности чужеземцу, нашлись руки, которые взялись за дело народной мести незваным пришельцам. Историки Александра не называют вспыхнувшего в Согдиате восстания иначе, как «бунтом», «изменой»; но это чересчур прусский взгляд на дело. Нахлынула волна на человека — он загнулся; волна перекаплась — он не захлебнулся и опять поднял голову: значит бунтовщик, он обязан был утонуть»³⁷.

События, относимые мною к первому периоду — весне, лету и осени 329 г., — действительно заканчиваются так, как говорится в оглавлении у Диодора: «Александр покарал восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тыс. человек».

В этот период инициатива восстания исходит главным образом от оседлого местного населения, независимо от его принадлежности к той или иной народности: это и согдийцы, и бактрийцы, и жители Сутрушаны, которым стараются помочь и заречные сакы. Возглавляет движение главным образом Спитамен, на помощь которому приходят и отдельные отряды кочевников, например, дахи.

Несколько иначе выглядели события второго этапа этой борьбы. Зима 329—328 г., проведённая Александром в Зариаспе, т. е. на территории Бактрии, была полна событиями: здесь состоялся съезд епархов бактрийских, на котором судили Бесса. Предавая Бесса жестокой казни, Александр как бы мстил за Дария, преемником которого он себя считал, и в то же время устраивал опасного соперника — Ахеменда. Возможно, что он хотел привлечь этим на свою сторону местную знать, враждебно относившуюся к Бессу-персу. Здесь же, на собрании в Зариаспе, был, видимо, принят ряд решений, связанных с организацией управления вновь завоёванными областями. Пришли подкрепления с запада — греческие наёмники во главе с Неархом, — сюда же прибыли по-

³⁶ Вопрос о том, является ли Зариаспа вторым названием города Бактры или это самостоятельный город, пока остаётся открытым. R. Grousset («Histoire de l'Extreme-Orient», p. 52. Paris. 1929) полагает, что древняя Зариаспа находилась на месте современного г. Чарджуй.

³⁷ Григорьев В. Указ. соч., стр. 51—52.

слы от скифов, привезшие драгоценные дары и предлагавшие Александру дружбу, военный союз и руку скифской царевны. Прибыли не то послы от хорезмийского царя Фарасмана, не то он сам во главе отряда в 1500 всадников, также с предложениями дружбы, союза и помощи в случае похода Александра на черноморских скифов. Александр богато одарил и тех и других и ответил, что готовится к походу в Индию и воспользуется их предложениями, вернувшись владыкой всей Азии.

На основании слов Арриана о том, что Александр «Фарасмана отдал на попечение персу Артабазу, которому поручил управление Бактрией»³⁸, можно заключить, что встреча Александра с Фарасманом произошла на территории Бактрии.

Весной 328 г. Александр опять направился в Согд, где, несмотря на произведённое им в 329 г. повальное избиение населения, ему не удалось подавить восстания. Арриан сообщает, что «многие из согдийцев укрылись в замках, отказываясь повиноваться поставленному над ними Александром сатрапу»³⁹.

Следует в двух словах указать на организацию внутреннего управления при Александре, который сохранил институт сатрапов. На этот пост сначала назначались персы, а потом главным образом македоняне. В отличие от сатрапов ахеменидских они не имели права чеканить монету и иметь наёмников в войске. При сатрапах находился «епископос» (надзирающий) из македонян, который командовал войском; иногда военная власть бывала поделена между несколькими лицами. Финансовое управление было тоже выделено в ведение особого лица.

Говоря об укравшихся в укрепленных местах согдийцах, Арриан имеет в виду тех укелевших оседлых земледельцев, которые сыграли столь активную роль в 329 г., в первый период борьбы Согда за свою независимость. Теперь же они, видимо, сильно обескровленные, перешли к форме пассивного сопротивления, что тем не менее вызвало большую тревогу Александра и требовало от него решительных мер борьбы.

Разделив своё войско на пять отрядов, действовавших одновременно в разных районах Согда, Александр во главе одного из них принял участие в карательном походе против согдийцев, причём одних, «укрывшихся в замках, захватывали силой, других угговрами склоняли к добровольной сдаче»⁴⁰. По окончании этой карательной экспедиции колонны сошлись в Мараканде, где Александр дал Гестеиону (начальнику одного из отрядов и своему другу) поручение «заселять города Согда». Имелось ли в виду основание новых поселений на месте разрушенных или же только заселение опустевших деревень и городов, неизвестно, но возможно, что к этим фактам относятся и сведения Страбона⁴¹ об основании Александром восьми городов в Согде и Бактрии и сведения

Юстина⁴² об основании им якобы двенадцати городов. Во всяком случае, эти справки говорят о том, что некогда густо населённый Согд в результате военных мероприятий Александра должен был сильно обезлюдеть.

Получив известие, что Спитамен скрывается на севере, у массагетов (по данным Курция, — у дахов), Александр направил против кочевников двух полководцев, но Спитамену удалось во главе отряда в 600 всадников появиться в Бактрии и начать нападения на гарнизоны крепостей, между прочим, и Зариаспы. Узнав об приближении македонян во главе с Кратером, Спитамен бежал в пустыню. Преследуемый Кратером, он должен был принять бой, в котором, кроме его отряда, участвовал ещё один отряд массагетских всадников в 1000 человек; разбитые македонцами, кочевники опять укрылись в пустыне, куда за ними враг никогда не решился следовать. Вскоре, собравшись с силами, Спитамен вышел из пустыни к согдийскому укреплению Бага, на границе с владениями массагетов, и как говорит Арриан, «с лёгкостью уговорил около 3 тыс. скифских всадников сделать вместе с ним набег на Согдиану». Он поясняет: «Эти скифы живут в большой бедности, и, так как они не имеют ни городов, ни определённых жилищ, чтобы бояться за самое дорогое для них, то их вообще легко склонить к тому или другому походу»⁴³. Вскоре состоялось сражение с поджидавшими Спитамена македонянами, и Спитамен опять был разбит, потеряв 800 всадников. Немногие согдийцы и бактрийцы, находившиеся ещё при Спитамене, покинули его после этого боя и сдались врагу, а массагеты, разграбив обозы этих недавних своих союзников, «убежали со Спитаменом в пустыню». Ушёл ли он с ними и на этот раз в качестве их предводителя, или же массагеты увели его в качестве своего пленника, мы не знаем, но когда до них дошла весть, что в пустыню намеревается проникнуть сам Александр, они «отрубили Спитамену голову и послали её Александру, чтобы этим отвратить его от себя»⁴⁴.

Существует и другая версия рассказа о смерти Спитамена, передаваемая Курцием Руфом, а именно, что он погиб от руки своей любимой жены, лично отнесшей голову мужа в лагерь Александра.

Обобщающей характеристики Спитамена как человека, воина и политика в дошедших до нас трудах Арриана, Курция Руфа, Страбона, Диодора и других не имеется. Но самое изложение деяний его, у одних сухое и отрывочное, у других красочное и более пространное, даёт возможность воссоздать яркий образ полководца, неустанно ведшего борьбу с иноземными завоевателями за независимость и свободу своей страны.

Оценка его общественно-политической деятельности у древних авторов (как и в новое время) вызвала противоречивые суждения. У Арриана замечается скорее положительная оценка Спитамена; обратное мы находим у Курция Руфа, видевшего в нём

³⁸ Арриан. Кн. IV, гл. 15, 5.

³⁹ Там же, гл. 15, 7.

⁴⁰ Там же, гл. 16, 3.

⁴¹ Страбон. Кн. XI, гл. 11, 4.

⁴² Юстин. Кн. XII, гл. 5.

⁴³ Арриан. Кн. IV, гл. 17, 5.

⁴⁴ Там же, гл. 17, 7.

перебегчика и предателя, — характеристика, идущая вразрез с тем, что известно о деятельности этого согдийского героя.

Такие же расхождения в оценке Спитамена мы наблюдаем и в наше время, в двух монографиях, посвящённых походам Александра, а именно: в классическом труде Дройзена и в обширной статье В. В. Григорьева.

Говоря о смерти Спитамена, Дройзен отмечает, что «смерть этого смелого и вероломного противника положила конец последним опасениям: в «саду Востока» восстановилось, наконец, спокойствие, в котором он только и нуждался»⁴⁵, — характеристика, свидетельствующая о непонимании той исторической роли, которую суждено было сыграть Спитамену в древний период истории Средней Азии. В. В. Григорьев, писавший приблизительно в те же годы, что и Дройзен, справедливо называет Спитамена «неутомимым борцом за свободу родины»⁴⁶, а относительно смерти Спитамена высказывает диаметрально противоположное Дройзену суждение, восклицая: «Так вот как кончил жизнь великий, но не признанный за такого врагами, потому только, что не успел достигнуть благородной цели своей, патриот согдийский»⁴⁷.

Гибель Спитамена заканчивается второй этап борьбы Согда за свою независимость, несший, как мы видели, совсем иной характер, чем события 329 года.

Подытоживая, можно сказать, что местное оседлое население, хотя и обескровленное, хотя и разорённое, всё же отказывается от подчинения сатрапу, поставленному Александром. Оно не принимает участия в активных действиях Спитамена, а читается отсидеться в своих укреплённых поселениях. Это ему не удаётся: карательные отряды Александра ещё раз влоб и поперёк проходят по Согду, отмечая свой путь пожарищами и потоками крови.

Спитамен, лишившись поддержки оседлых поселений, борьбы не прекратил; он продолжал борьбу с помощью вербуемых им в пустыне кочевников, большинство которых приходило под знамёна Спитамена для совместной борьбы с чужеземцами; какую-то часть их влекла, возможно, и надежда на лёгкую богатую добычу в стане македонян.

У Диодора этот второй период охарактеризован так: «Он (Александр) наказывает бактрийцев и вторично подчиняет согдийцев и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении»⁴⁸. Видимо, в 328 г. одной из основных мер Александра в борьбе с непокорными согдийцами и бактрийцами являлись уничтожение тех укреплённых мест, в которых пыталось спастись от него местное население, а также постройка новых городов в стратегически наиболее подходящих местах. Их он заселял, вероятно, тоже намеренно, как непригодны-

ми для дальнейшего участия в войне греками и македонянами, так и теми местными жителями, которые выражали свою покорность завоевателю. Здесь следует вспомнить, что в это же лето 328 г. Александр основывает, согласно данным Курция Руфа, шесть новых городов в долине Мургаба, на территории Маргианы (входившей в бактрийскую сатрапию), руководствуясь при этом главным образом стратегическими соображениями: «Перейдя реки Ох (Теджен) и Оке (Аму-Дарью), Александр пришёл к городу Маргиане и выбрал вокруг него места для основания шести городов, два обращённых на юг, четыре на восток, на небольшом расстоянии друг от друга для оказания взаимной помощи»⁴⁹.

Как известно, в своём завещании Александр предписывал основывать в Азии города и производить массовые переселения из Азии в Европу и из Европы в Азию, чтобы переплавить население в единую массу; из этого можно заключить, что основанием новых городов Александр преследовал не только военные, но и иные, более широкие цели.

Второго момента, характеризующего формы борьбы в 328 г., Диодор не касается, поскольку борьба Спитамена, поддерживаемая кочевыми массагетами, могла в известной мере утратить свой первоначальный характер освободительного движения согдийского народа.

Третий этап борьбы Александра с Согдом имеет совсем иной характер: широкие круги земледельческого населения в массе своей сейчас не выступают; кочевники после смерти Спитамена в борьбе Согда больше не принимают участия, но противодействие Александру не ликвидировано, оно в известной мере даже обострилось; часть знати настроена к Александру резко враждебно, тем более, что в рядах ее произошёл раскол, вызванный усталостью и желанием сохранить свои замки и земли.

328 год знаменателен ещё тем, что он явился переломным в отношении Александра к народам Азии: Александр начинает вводить ряд местных обычаев при своём дворе, включает «варваров» в армию, приближает их ко двору и к себе; начинает в какой-то мере усваивать местные восточные нравы.

Плутарх отмечает, что Александр всё более старался приблизиться к образу жизни местного населения, а также познакомиться согдийцев с обычаями македонян. Он полагал, что такое сближение и дружественное общение лучше будут способствовать миру и согласию, чем насилие.⁵⁰

Когда в 328 г. в Мараканде Александр во время пира собственноручно убил Клита, своего ближайшего и вернейшего друга и молочного брата, спасшего ему жизнь в битве при Гранике, то этот припадок гнева был, видимо, отчасти обусловлен тем, что Клит «давно уже проявлял раздражение по поводу всё большей склонности Александра к

⁴⁵ Дройзен «История эллинизма», Т. 1, стр. 259.

⁴⁶ Григорьев В. Указ. соч., стр. 187.

⁴⁷ Там же, стр. 188.

⁴⁸ Диодор. Оглавление к книге. XII. Ч. 2-я, § 24.

⁴⁹ Курций Руф. Кн. VII, гл. 10, 15.

⁵⁰ Плутарх (Plutarchi Vitae. Scriptorum Graecorum Bibliotheca, Parisiis, 1847) «Александр», гл. XLVII.

варварским обычаям»⁵¹. Против принятого при дворе восточного обычая поклонения царю, т. е. преклонения перед ним колен, выражал протест и Каллисфен, придворный историк Александра.

Показателем общего настроения знати к коню 328 г. может служить и изложенный у Курция Руфа⁵² рассказ о жене Спитамена, всюду его сопровождавшей. Озлобленная постоянными бегствами и изгнанием, утомлённая несчастьями, она стремилась убедить мужа, чтобы он попытался сдать на милость Александра. Это, однако, вызвало только гнев и возмущение Спитамена и в конце концов привело якобы к тому, что она убила спящего мужа, головою которого она либо пыталась купить у Александра расположение к себе, либо думала этим положить конец кровопролитной борьбе Согда с его мощным противником.

Такие настроения существовали, видимо, среди знати, которая частично начала активно или пассивно переходить на сторону Александра. Но часть знати оставалась враждебной Александру и против неё-то, против особо сильных и влиятельных представителей оппозиции, и была направлена карающая рука Александра в третий период, — против владетелей, засевавших в своих неприступных горных твердынях с запасом продовольствия на много лет, со своими родичами, войском, беглецами, общей численностью иногда до 15 тыс. человек.

Всё в том же оглавлении XVII книги Диодора этот период охарактеризован, как «третье восстание согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок [петра]»⁵³.

Зиму 328—327 г. Александр провёл в Наутаке, а весной «подступил к согдийской скале, куда, по полученному известию, бежало много жителей Согдианы»⁵⁴. Скалою — греческое «петра» — античные историки называли крепости и замки на вершинах гор, защищённые самой природою (персы называли их «лила», т. е. «око»). На этой «скале согдийской» спасались, между прочим, и жена и дочь Оксиарта, со времени его отпадения от Александра, т. е. с 329 года.

Следует отметить, что источники, Арриан, Курций и Страбон, упоминают четыре «скалы»: скалу согдийскую, скалу Сизимитра, скалу Армаза и скалу Хориена, но при ближайшем анализе и сопоставлении описаний и деталей выясняется, что речь идёт всего о двух замках, находившихся в Согде: о согдийской скале, где-то в Наутаке, и о скале Хориена, которая локализуется в Паретаке, тоже одной из областей Согда.

Первый из замков, расположенный на крутой скале, которую глубокий снег делал ещё более неприступной, был взят Александром в короткий срок. Будучи раздражён насмешливым предложением осаждённых поискать крылатых воинов, которые заняли бы для него скалу, Александр за ночь отправил на вершину возвышавшейся над замком

горы триста солдат, привыкших к горным кручам своей родины. С помощью гвоздей, которыми обычно крепили палатки и которые в данном случае втыкались в снег, и привязанных к ним льняных веревок, 300 человек, подсаживая друг друга (погибло при этом 30 человек), поднялись к утру на гору. На рассвете через глашатая Александр сообщил согдийцам, что крылатые воины не только нашлись, но и заняли уже вершину. Этот ошеломивший осаждённых факт привёл к немедленной сдаче крепости.

В этом замке, как указывалось, находилась и жена Оксиарта с детьми и среди них — красавица Роксана (греческая передача местного имени «Роданак», т. е. сияющая, светлая), о которой поэмы Александра говорили, что она после супруги Дария показала им «самой красивой женщиной в Азии»⁵⁵. Арриан рассказывает далее, что Александр при первом же взгляде полюбил её, и, хотя она была его пленницей, счёл достойной того, чтобы жениться на ней, — поступок, за который Арриан хвалит, а Курций порицает Александра.

Независимо от того, что перевесило, романтика ли или дипломатия, но эта встреча в замке и последовавший затем брак Александра с Роксаной привели к тому, что самый сильный из врагов Александра, отец Роксаны, Оксиарт, пользовавшийся в Согде, помимо того, большим авторитетом и влиянием, «ободрился», как сообщает Арриан, «явился к Александру и был у него в почёте»⁵⁶.

Вторая скала — «скала Хориена» в Паретаке, — отлогая со всех сторон, возвышалась на 20 стадий и имела в окружности до 60 стадий; вверх вела, видимо, искусно замаскированная узкая тропиночка, со скалы низвергался быстрый горный поток, а замок был окружён глубоким рвом. Здесь скрывался от Александра «немалое число князей» (эпархов), среди них Хорнис, по имени которого названа была скала.

И здесь, неожиданно для осаждённых, македоняне в короткий срок из нарубленных елей, скреплённых гвоздями, начали покрывать ров настилом — факт, приведший Хориена к сдаче, причём его якобы побудил к этому перешедший на сторону Александра Оксиарт. Александр милостиво принял сдавшегося ему Хориена и оставил в его ведении замок; он «пользовался уважением Александра, тем более, — говорит Арриан, — что передал ему свой замок не по принуждению, а по доброй воле»⁵⁷.

Назначив царём Согда некоего Оропия, может быть, одного из представителей перешедшей на его сторону согдийской знати, Александр закончил покорение Средней Азии и, переправившись обратно через Аму-Дарью, тем же летом 327 г., перевалив через Гиндукуш, начал свой знаменитый индийский поход.

Итак, мы видим, что третий период в истории подчинения Согда носит отличный от двух других характер: острый борьбу направ-

⁵¹ Арриан. Кн. IV, гл. 8, 4.

⁵² Курций Руф. Кн. VIII, гл. 3, 1—15.

⁵³ Диодор. Оглавление к кн. XVII, ч. 2, § 25.

⁵⁴ Арриан. Кн. IV, гл. 18, 4.

⁵⁵ Арриан. Кн. IV, гл. 19, 5.

⁵⁶ Там же, гл. 20.

⁵⁷ Там же, гл. 21, 10.

лено против остатков оппозиции среди местного знати, которая постепенно и, видимо, в большинстве случаев мирным путём начала переходить на сторону Александра. Следует отметить, что по сравнению с общественной структурой Ирана Средняя Азия отличалась тем, что в ней во взаимоотношениях различных слоёв населения наблюдалось больше остатков военной демократии и меньший разрыв между верхушкой общества и широкими массами народа.

Трёхлетняя оборона Согда, сопровождавшаяся жестокой расправой с мирным населением и разрушением плодородных оазисов, неоднократные восстания населения, наличие талантливого предводителя и горячего патриота Спитамена не дали положительных результатов, потому что все эти действия носили разрозненный и местный характер: в одном случае активную роль играют земледельческие круги населения, в другом — кочевые орды под водительством Спитамена, в третьем — князья, сидящие в своих горных орлиных гнёздах. Порозынь над каждой из этих групп Александра и одерживал быструю и лёгкую победу.

В развитии политики Александра на Востоке большое значение имели, конечно, личные качества Александра, который, по словам Арриана, «при неясности положения весьма искусно находил потребное, из предстоявших событий весьма счастливо угадывал возможное и был весьма опытен в построении войска, снаряжении и упорядочении его. По врождённой способности он умел возбудить мужество в солдатах, наполнить их надеждою и в опасностях своим бесстрашием рассеять их робость, превосходя в этом всех. Потому-то всё, исход чего был сомнителен, он совершал с величайшей смелостью и, если предстояло опередить неожиданностью неприятеля, он весьма ловко умел совершить нужное прежде, чем у кого-либо могла зародиться робкая мысль о возможности подобного»⁶⁵.

Александра не могла не возмущать и не раздражать та насобитность, с которой согдийцы в течение трёх лет поднимали восстания против него, задерживая этим его поход на Индию. «Безумцы, они надеются утомить меня непокорством — напрасно», — говорил Александр. Но в то же время в Александрии, человеке умном, сильным и смелом, эта самая непокорность Согда не могла не найти известного тайного отклика. Если принять во внимание, как быстро распался перед ним Иран Ахеменидский, его западные основные области, как мало встретил он там сопротивление и готовности к борьбе, его тем более должна была поразить на территории Средней Азии, и особенно в Согде, невиданная им доселе самозащита народа, в течение трёх лет прошедшего через все ужасы, мучения и страдания, какие несёт с собою нашествие жестокого врага, — народа, не утратившего ни сил, ни уменья, ни готовности эту борьбу продолжать.

Это обстоятельство, а также тот высокий уровень своеобразной и древней культуры, с

которой здесь неожиданно для себя должен был встретиться Александр⁶⁶, — всё это должно было в корне изменить ту точку зрения на азиатских «варваров», с которой Александр вступил в 334 г. на почву Азии. Ему было тогда только 22 года, и в памяти и сознании его, вероятно, свежи были ещё мысли и слова его учителя в области политических и философских наук — Аристотеля, утверждавшего, что «варвар и раб по природе своей понятия тождественные»⁶⁷ и что будто от природы некоторые существа предназначены к подчинению, другие — к властвованию.

Пять лет пребывания на территории Азии настолько изменили политику Александра, что он, возражая против обвинений его в насаждении персидских нравов и обычаев среди македонян, говорил, что у многих народов Азии он «находит такое, чему не стыдно было бы подражать: нельзя управлять таким государством, если не передавать другим своё и не поучаться у них самим»⁶⁸.

В Мараканде правый историк Александра, Каллисфен — тоже ученик Аристотеля, обличая Александра, обратился к нему со следующими, полными упрёка словами: «...Если, как говорится, в варварской стране надлежит усваивать и варварский образ мыслей, всё же я прошу тебя, Александр, помнить об Элладе, ради которой тобою был предпринят этот поход, в целях присоединения Азии к Греции»⁶⁹.

Из этих слов, приведённых у Арриана, можно заключить, как глубоко изменилось отношение Александра к народам Востока: Александр убедился в том, как отметил академик С. А. Жебелев, что «варварские народы способны воспринимать эллинскую культуру и что их можно слить с греческими завоевателями, т. е. вразрез с установившейся точкой зрения Аристотеля; в этом Александр опередил своё время, потому что только к концу III в. в сознании лучших умов стало складываться представление, что при оценке человека значение имеют нравственные качества, а не расовое происхождение»⁶⁹.

Эта изменившаяся точка зрения Александра отразилась и на вопросах, связанных с организацией армии — основы и гордости македонского государства.

Как известно, при Ахеменидах представители среднеазиатских народов входили в состав войска, но со своим собственным оружием и в качестве подчинённых вспомогательных отрядов.

В 324 г., отпраздновав в Сузах свою свадьбу с дочерью Дария и переживив около

⁶⁵ Достаточно в этой связи напомнить о техническом и художественном совершенстве золотых и серебряных предметов, найденных в составе знаменитого Аму-Дарьинского клада V—III вв., хранящегося в Британском музее (O. M. Dalton «The Treasure of the Oxus». London. 1926).

⁶⁶ Политика. Кн. I, гл. 1—2.

⁶⁷ Курций Руф. Кн. VIII, гл. 8, 13.

⁶⁸ Арриан. Кн. IV, гл. 11, 7.

Древняя Греция, Т. II, «Эллинизм», стр. 28. 1922.

⁶⁹ Арриан. Кн. VII, гл. 28, 2—3.

10 тыс. македонян на дочерях персидской и среднеазиатской знати, Александр принялся за реорганизацию войска, введя и персов и другие иранские и среднеазиатские народы в свою армию на равных с македонянами началах. Этой же цели — сближению туземного населения с завоевателями — должна была служить и организация армии так называемых эпитонов; 30 тыс. юношей из сыновей местной знати (согдийцев, бактрийцев, парфян и др.) обучались греческому языку и, будучи вооружены по македонскому образцу, усваивали македонские приёмы военного дела.

Юноши эти были распределены по отрядам конницы: впоследствии же в бытность Александра в Описе (Индия) азиатские войска, в состав которых входили и среднеазиатские народы, были разделены на гиппархии и фаланги.

Завоевательная политика Александра имела своей основной идею создания единой мировой империи, которая рухнула вскоре после его смерти.

Другой основой являлось его стремление приобщить все народы к греческой культуре, и самый факт трёхлетнего пребывания Александра в Средней Азии не мог не оставить в этом отношении глубоких следов.

При оценке культурно-исторического значения похода Александра надо помнить о следующих весьма важных фактах.

Основанные Александром новые города и военные колонии были частично заселены греками из числа ветеранов и больных, а также мятежно настроенных воинов. В лагере Александра должно было находиться и попасть в новые города большое количество памятников античного искусства. Как известно, в лагерь из Греции срочно были доставлены тексты трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, которые ставились во время похода. Показательно, что в походах Александр никогда не расставался с настольной статуей, изображавшей сидящего Геракла, работы Лисиппа, придворного портретиста Александра, творчество которого

оставило глубокий след в искусстве Бактрии и Согды⁶¹.

Экспедиция во главе с Гераклидом была направлена Александром к берегам Каспийского моря в целях исследования его⁶². На территории Средней Азии возникло в половине III в. до н. э. самобытное государственное образование, а именно — возглавленное греками Бактрийское царство, которое, будучи расположено на местах скрещения мировых торговых путей, соединявших западный мир с далёким Востоком, в свою очередь, определило в дальнейшем пути развития мощной культуры кушанов⁶³.

Памятуя, что вклад в культуру никогда не бывает односторонним, достаточно будет указать на то, что все эти события оставили глубочайший след и в истории народов Запаदा. Порождённые борьбой Востока и Запада за политическое первенство, походы эти привели к своего рода синтезу культур Востока и Запада. Знакомство с культурой Азии, в частности Средней Азии, дало западному миру то новое, что нашло себе столь яркое выражение в своеобразном и мощном явлении культуры, которое мы называем эллинизмом, мало ещё изученные среднеазиатские корни которого столь же сильны и широко раскинуты, как и изученные в гораздо большей степени корни переднеазиатские.

⁶¹ Подробно об этом см. К. В. Тревер. «Памятники греко-бактрийского искусства», стр. 39—40. Изд. АН СССР, 1940.

⁶² «Александр послал затем в Гирканию вместе с корабельщиками Гераклида, сына Аргея, приказал им рубить на Гирканских горах лес и строить длинные корабли без палуб и с палубой по греческому образцу. У него явилось желание исследовать так называемое Каспийское или Гирканское море, с каким морем оно соединяется, не с Евксинским ли Понтом, и не впадает ли великое восточное море с востока, со стороны Индии, в Гирканский залив...» (Арриан. Кн. VII, гл. 16, 1—2).

⁶³ Tarn W. «The Greeks in Bactria and India». Cambridge, 1938.